

5. Українка Леся. Зібрання творів: у 12 т. / Леся Українка – К.: Наук. думка, 1975. – Т. 1. – 447 с.
6. <http://www.newacropolis.org.ua/ua/egypet/stend/hatshepsut.htm>

УДК 378:1

Морозова И. И.

(г. Минск, Беларусь)

К. Н. ЛЕОНТЬЕВ И Ф. НИЦШЕ: PRO ET CONTRA

К. Н. Леонтьева традиционно определяют «ницшеанцем» до Ницше, «русским Ницше». «Слитность Леонтьева и Ницше до того поразительна, что это (как случается) – как бы комета, распавшаяся на две, и вот одна ее половина проходит по Германии, а другая – в России. Но как различна судьба в смысле признания. Одним шумит Европа, другой – как бы неморожденный, точно ничего не сказавший даже в своем отечестве». «Прекрасный человек», – вот цель, «прекрасная жизнь» – вот задача. Если ее прикинуть к мужскому идеалу, то это будет «сильный человек» и «сильная жизнь» ... Читатель сам увидит, что тут есть совпадение с Ницше, хотя Леонтьев писал и высказывал свою теорию раньше Ницше, и в ту пору, когда имя германского мыслителя не было даже произнесено в русской литературе» [1, с. 517], – вот так с легкой руки В. Розанова эта параллель станет прочно фигурировать в философских работах Вл. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, Б. Грифцова, зарубежных исследователей и современных ученых. Обращаясь к рассмотрению творческих систем этих двух ярких представителей XIX века, следует учитывать существенную разницу между ними. К. Н. Леонтьев большую часть своей жизни выстраивал именно в границах эстетики Ф. Ницше, его смело можно назвать носителем концептуальных построений Ф. Ницше, писателем, трансформировавшим собственные мировоззренческий и эмпирический уровни в художественном творчестве, герои которого носят в той или иной степени сугубо автобиографический характер. К. Н. Леонтьев, в сущности, никогда не выпадал из ситуации субъективного осмысления собственного одиночества и противопоставленности миру, вселенной. Такое умственное одиночество и непонимание порождалось демонстративным противостоянием устоявшемуся общественному мнению, безапелляционностью выводов и суждений, дерзким нарушением традиционности (особенно в области т.н. «морали»).

Это был человек, прекрасно осознающий свою внешнюю привлекательность, одаренность и тонкий вкус, самолюбивый и тщеславный, смелый и бескомпромиссный в поступках и словах, жизненное и творческое кредо которого определяют двумя словами – «против течения». Исключительность жизни этого человека определялась потребностью «разрешить проблему личной судьбы», для которого субъективное иногда гораздо важнее любых объективных реалий, что вызовет пристальный интерес Н. Бердяева: «Он занят самим собой перед лицом вечности. Поэтому он не находит себе места, меняет профессии, не может ни на чем успокоиться... Он из тех, для кого субъективное и объективное отождествляются. Такие люди особенно интересны» [2, с. 151]. Ф. Ницше в жизни знал иную реальность, нежели ту, которая отражена в его творчестве, Ф. Ницше нельзя отождествлять с персонажами его творений, как это делают многие исследователи.

Главное, что сближает и объединяет К. Н. Леонтьева и Ф. Ницше – это эстетическое оправдание мира, т.н. неморальный эстетизм, или имморализм. Ф. Ницше считал, что «жизнь может быть оправдана только как эстетический феномен» [3, с. 53], что «моральных феноменов нет, а существует лишь моральное истолкование феноменов» [4, с. 80], а примат эстетического над этическим определяет сущность как ницшевской, так и леонтьевской концепций. Исходя из тезиса о том, что «нет ничего безусловно нравственного, а все нравственно или безнравственно только в эстетическом смысле» [5, с. 119-120], К. Леонтьев отбрасывает нравственный компонент в эстетическом критерии. Концепция неморального эстетизма ярко представлена и в прозе К. Н. Леонтьева, его автобиографические герои констатируют весьма безапелляционно: «... всю мою нравственную жизнь тогда руководил... кодекс моей собственной гордости, система моей произвольной морали, иногда, может быть, и благородной, но нередко в высшей степени безнравственной. Если я скажу, что я не только думал, но и говорил тогда часто: «Лучший критерий поступков – это что к кому идет», то этим я, кажется, скажу все!» [6, V, с. 295].

«Нравственность есть только уголок прекрасного, одна из полос его. Иначе куда же девать Алкивиада, алмаз, тигра?» [6, II, с. 23]. «Другие исполняют долг честности, а я исполняю долг жизненной полноты». «Прекрасное – вот цель жизни, и добрая нравственность, и самоотвержение ценны только как одно из проявлений прекрасного, как свободное творчество добра. Чем больше развивается человек, тем больше он верит в прекрасное, тем меньше в полезное» [6, II, с. 152 – 153]. «Не в том дело, чтобы не было

нарушения закона, чтобы не было страданий, но в том, чтобы страдания были высшего разбора, чтобы нарушение закона происходило не от вялости или грязного подкупа, а от страстных требований лица!» [6, II, с. 153 – 154].

Выпадение морального начала, а точнее примат эстетического над этическим, расширяет границы приемлемости прекрасного, эстетически привлекательными у К. Н. Леонтьева становятся трагическое и демоническое, различные проявления силы, все героическое, выдающееся, то, что назовут героическим витализмом («Heroic Vitalism») [7, с. 87]: «...ибо военная слава, да, военная слава царства и народа, его искусство и поэзия – факты, это реальные явления действительной природы; это цели достижимые и вместе с тем, высокие» [5, VIII, с. 777]. Поэтому неудивительно, что подобного рода умозаключения страстного эстета явились основанием причислить К. Н. Леонтьева к числу тех, кто противопоставил и предпочел «прекрасное – ужасному, одаренное меньшинство – посредственному большинству, яркую индивидуальность – бесцветности...», поставив его в ряд не только с Ницше, но и Карлейлем, Гобино, Рескиным.

К. Н. Леонтьев разграничивает моральный и эстетический уровни, «оказываясь в плену секулярного эстетизма, т.е. отделившегося от этики, декларируя принципы неморального эстетизма: «...В явлениях мировой эстетики есть нечто загадочное, таинственное и как бы досадное потому, что человек, не желающий себя обманывать, видит ясно, до чего часто эстетика и с моралью, и с видимой житейской пользой обречена вступать в антагонизм и борьбу» [8, с. 388]. В этом К. Н. Леонтьев совпадает с Ф. Ницше, отвергавшим утилитарную мораль, значение какой-либо пользы в существовании человека: «Самый недвусмысленный признак пренебрежительного отношения к людям состоит в том, что ценим каждого исключительно как средство для своей собственной цели и не признаем в других отношениях» [3, I, с. 459].

Нравственное, этическое в онтологическом плане К. Н. Леонтьев и Ф. Ницше не отрицают, о чем свидетельствует, например, следующее утверждение Ф. Ницше: «Я не отрицаю, что многих поступков, которые называют безнравственными, надобно избегать и надо сдерживать их. Я не отрицаю, что следует делать и требовать, чтобы делали многое из того, что называется нравственным. Но и то и другое должно стоять на иной почве, чем это было до сих пор. Мы должны переучиться, чтобы, наконец, может быть и поздно, достигнуть большего – изменить свои чувства» [9, с. 39]. А в системе ценностей К. Н. Леонтьева нет места утилитарной морали, ибо именно в ней он усматривает некую безнравственность: «Когда страстную эстетику побеждает

духовное (мистическое) чувство, я благоговею, я склоняюсь, чту и люблю; когда эту таинственную, необходимую для полноты жизненного развития поэзию побеждает утилитарная этика, я негодую и от того общества, где последнее случается слишком часто, уже не жду ничего!» [8, с. 390].

Придавая универсальный характер эстетическому, К. Н. Леонтьев совпадает с панэстетизмом Ф. Ницше в плане универсальной эстетической оценки. Более того, совпадения идут в декларации социального неравенства, в постулировании критерия неравенства (этой своеобразной «метафизической интуиции об иерархии человеческого бытия»), и именно это определяет эстетическое неприятие мещанской действительности, нивелирования общества, типа среднего человека, столь ярко выраженного как у Ф. Ницше: «... порядок каст, иерархия, лишь формулирует высший закон самой жизни... неравенство прав – первое условие для того, чтобы существовали права... Право – значит преимущественное право, привилегия. У всякого свое бытие – и свои преимущественные права... Не в неравенстве прав бесправие, а в претензиях на «равные» права...» [10, с. 84 – 85], так и у К. Н. Леонтьева: «... Сословный строй, неравноправность граждан, разделение их на неравноправные слои и общественные группы, есть нормальное состояние человечества. Именно в этой-то социальной, видимой неправде и таится невидимая социальная истина» [11, с. 166]. «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия?» [8, с. 585].

Апелляция и у К. Н. Леонтьева, и у Ф. Ницше направлена к историческому прошлому, к эстетическому идеалу эпохи Возрождения. Ф. Ницше, как известно, не скрывает своих симпатий к ренессансному типу личности: «Европеец наших дней по своей ценности несравненно ниже европейца Ренессанса» [10, с. 20], а у К.Н. Леонтьева этот тезис представлен как в философском, так и в художественном творчестве.

Безличности и усредненности, господству «среднего» человека противопоставлен у К. Н. Леонтьева приоритет яркой и самобытной индивидуальности, сильной личности. Такая декларация концептуальных установок персонализма и индивидуализма предвосхищает умонастроения Ф. Ницше и переходит в плоскость онтологических координат: «Для меня сильный человек сам по себе, яркое историческое и психологическое явление само по себе дорого... Мне дорог Бисмарк как явление, как характер, как пример многим... Только там много бытовой и всякой поэзии, где много государственной и общественной силы. Государственная сила есть скрытый железный остов, на котором великий художник – история лепит изящные и могучие формы культурной человеческой жизни» [11, с. 87].

Эстетический дуализм К. Леонтьева расценят как «эстетическое изуверство», «пессимистический аморализм» [12, с. 354], с чем принципиально не согласится Н. Бердяев: "... с более глубокой точки зрения ни К. Н., ни Ницше не были аморалистами. В конце концов, К.Н. видел в красоте добро, а в уродстве зло", усматривая проповедь К. Н. Леонтьевым и Ф. Ницше особой, «аристократической морали, морали жизни в красоте» [11, с. 85]. Так же прав в своих оценках Т. И. Ойзерман, проницательно констатируя: «Было бы упрощением полагать, что Ницше стоит на стороне злого, жестокого, беспощадного, презирая доброе, справедливое как проявление слабости. Такое впечатление неизбежно создается у тех, кто не учитывает амбивалентности

воззрений философа. В действительности позиция Ницше несравненно сложнее» [13, с. 174].

Но Ф. Ницше, как известно, проповедовал мораль любви к дальнему в противоположность морали любви к ближнему, которую отстаивал К. Н. Леонтьев в поздний период своего творчества, ступив на путь христианской аскезы. Ортодоксальный К. Н. Леонтьев утверждает, в свете эсхатологических представлений, принцип «трансцендентного эгоизма» (религии личного спасения): «Верно только одно, точно – одно, одно только несомненно, – это то, что все здешнее должно погибнуть! И потому на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений? На что эти младенчески болезненные мечты и восторги? День наш – век наш! И потому терпите и заботьтесь практически лишь о ближних людях: именно о ближних, а не о всем человечестве» [14, с. 139].

Исследователи неоднократно указывали на факт богоборческих настроений у К. Леонтьева, совпадающего в этом отношении с Ф. Ницше. Однако к этим констатациям нужно относиться настороженно. Безусловно, ярко выраженный неморальный эстетизм К. Н. Леонтьева (особенно в первую половину его жизни и деятельности) является антиподом религиозности как таковой, мыслитель сам неоднократно указывал на факт религиозного равнодушия, сохранявшегося у него до сорока лет. Христианство, Церковь, обрядность, богослужения вызывали у него сугубо эстетический интерес. В поздний период жизни К. Н. Леонтьев становится на религиозный путь, в отличие от Ф. Ницше, резко критиковавшего христианство в своих знаменитых работах. И этот факт проводит резкое размежевание между К. Н. Леонтьевым и Ф. Ницше, который считал, например, что «всегда люди нагло и себялюбиво искали лишь собственной выгоды, вот и церковь построили в пику евангелию... Человечество преклоняется перед обратным тому, в чем заключается исток, смысл, оправдание евангелия; в понятии «церковь»

человечество освятило все то, что преодолел и превозмог «радостный вестник» ... напрасно искать более грандиозную форму всемирно-исторической иронии» [10, с. 54].

К. Н. Леонтьев же декларирует в своих религиозных воззрениях незыблемый тезис о том, что Церковь, с ее устоявшимися правилами и внешними формами, является важнейшим компонентом, составляющим целостность христианства, полагая, что настоящее православие может быть только церковным. Он настойчиво отстаивает принципы сурового византийско-церковного, аскетико-монашеского христианства. Авторитарность Церкви, ее догматы и каноны для К. Н. Леонтьева священны.

Таким образом, примат эстетического над этическим, декларация эстетического оправдания культа красоты, силы, героического, неравенства и иерархии всех форм жизни, индивидуализма и персонализма, эстетическое неприятие мещанства и утилитаризма – все это в совокупности своей является точками соприкосновения в творческих системах двух мыслителей. Однако религиозные воззрения К. Н. Леонтьева и антирелигиозность Ф. Ницше находятся в разных плоскостях, не позволяющих утверждать об идентичности их богоборческих настроений.

Литература

1. Розанов, В.В. О писательстве и писателях / В. В. Розанов. – М., 1995.
2. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев / Н. А. Бердяев // Н.А. Бердяев о русской философии. – Свердловск, 1991. – Ч. 1. – С. 149 – 284.
3. Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше. – М., 1990. – Т. 1.
4. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали / Ф. Ницше. – Минск, 1992.
5. Леонтьев, К.Н. Собрание сочинений: в 9 т. / К.Н. Леонтьев. – М., 1912 – 1914.

6. Леонтьев, К.Н. Собрание сочинений и писем: в 12 т. / К.Н. Леонтьев. – СПб., 2000 – 2013.
7. Lukashevich S. Konstantin Leontiev (1831-1891): A.Study in Russian «Heroic Vitalism” / Lukashevich. – New York, 1967.
8. Леонтьев, К.Н. Избранные письма / К.Н. Леонтьев. – СПб., 1993.
9. Ницше, Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках / Ф. Ницше. – Минск, 2008.
10. Ницше, Ф. Антихристианин / Ф. Ницше // Сумерки богов. – М., 1990.
11. Леонтьев, К. Н. Pro et contra / К. Н. Леонтьев. – СПб., 1995. – Кн. 2.
12. Франк, С. Л. Мирозерцание Константина Леонтьева / С. Л. Франк // К. Леонтьев, наш современник. – СПб., 1993.
13. Ойзерман, Т. И. К характеристике философии Фридриха Ницше / Т. И. Ойзерман // Вопросы философии. – 2011. – №4. – С. 164 – 176.
14. Леонтьев, К. Н. Цветущая сложность / К. Н. Леонтьев. – М., 1992.

УДК 329.17:130.2 (477)

Тетерич О. М.

(м. Харків)

МОВНІ АСПЕКТИ УКРАЇНСЬКОЇ ЕТНОПОЛІТИКИ

Дану статтю присвячено проблемам розвитку мови як фактору формування національної самосвідомості та як етноформуючій ознаці українського народу. Автор аналізує сучасний стан розвитку української мови в Україні. Розглядає поняття етносу, нації, риси українського національного характеру, національної самосвідомості, проводить аналіз мовної ситуації в Україні за останні десятиліття, розглядає законодавче регулювання статусу української мови в історичному розрізі та ін. Також в даній статті представлено осмислення ролі мовного питання у сучасному державотворенні.

Ключові слова: етнос, нація, національний характер, національна самосвідомість, українська мова.